

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОРНОГО ВЕДОМСТВА
НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В историографии сложилось убеждение, что система принудительного труда на горных заводах Урала в крепостной период не давала рабочему и его семье достаточных гарантий социального обеспечения в случае старости, инвалидности, болезни и потери кормильца [1]. Утверждения эти, однако, по большей части являются предположениями и не подкреплены убедительно статистическими материалами. Известно, что именно в первой половине XIX в. на Урале сложилась своеобразная система попечительства о рабочих, утрату которой после отмены крепостного права весьма болезненно переживало «патриархальное» горнозаводское население. Несомненно, система социального обеспечения, сложившаяся на горных заводах Урала, еще нуждается в специальных исследованиях, в поиске новых цифр и фактов. Основу для дальнейших размышлений и обобщений, очевидно, могут дать и данные этой статьи.

Нищенство и бродяжничество в царской России начиная еще с петровских времен, строго преследовалось по закону. Указы, пресекавшие распространение нищенства, многократно повторялись и были обобщены в первой половине XIX в. Сводом законов Российской империи. Основой социальной политики самодержавия, как известно, было деление общества на сословия. Именно на сословия, или на «общества», к которым было приписано все население крепостной России, Уставы благочиния и возложили главную ответственность за благосостояние жителей. В крепостных селениях попечение о благополучии жителей нес помещик. «Помещики должны со своей стороны пеших о держании и призрении крепостных людей, пришедших в невозможность кормиться работою и не допускать их до нищенства», — заявлялось в одной из статей Устава благочиния [2]. Наблюдение за исполнением законов в этом отношении возлагалось на земскую и городскую полицию.

Уличенные в «бродяжничестве для прошения милостыни» люди забирались полицией (впрочем, как подчеркивалось законом, «без всякого притеснения и страха, но с осторожностью и человеколюбием») и отправлялись на прежнее место жительства. После повторного задержания бродяги, уличенные в нищенстве, оставались уже на некоторое время в местном приказе общественного призрения — выяснялось их подлинное имя, звание и место жительства. Затем их вновь отправляли на попечение своего «общества». Все издержки приказа на содержание этих людей под арестом взымались с помещика, «общества» или ведомства, к которому они принадлежали. Помимо этих издержек виновные в неблагополучии своих подопечных должны были подвергнуться взысканию как «ослушники закона». Бродяги, не признавшие в принадлежности к какому-либо «обществу» или ведомству, отправлялись в рабочие или смиренные дома, при этом больные и инвалиды поступали в «богоугодные» учреждения приказов общественного призрения, а дети — в военно-сиротские отделения [3].

«Правила для руководства Комитета о разборе и признании нищих в Санкт-Петербурге» 1835 г., присланные в Уральское горное правление для руководства, уточняли меры ответственности за допущение нищенства. «Общества или помещики, отпустившие по паспортам, свидетельствам или другим каким-либо актам для прокормления себя работою таких людей обоего пола, кои по старости, дряхлости, болезни или калечеству не в силах исправлять работ и снискивать себе пропитание трудами, — говорилось в Правилах, — по задержании их полициею за прошение милостыни подвергаются штрафу в пользу Комитета о нищих в первый раз по 25 рублей ассигнациями за каждого человека или женщину. Когда после возвращения помещикам или обществам /... / люди сии вторично взяты будут полициею за бродяжничество и прошение милостыни, то в сем разе с помянутых помещиков и обществ взыскивать означенный штраф вдвое; в случае задержания тех же людей в третий раз втрое и так далее» [4]. Если вспомнить среднегодовой размер оплаты труда и пенсий рабочих того периода, то станет ясно, что владельцам горных заводов было гораздо выгоднее содержать собственную систему социального призрения, чем подвергаться столь большим штрафам.

Проект горного положения 1806 г. узаконил на горных заводах Урала вполне развитую систему социального обеспечения. Правда, касалась она лишь рабочих и служащих казенной промышленности. 25 лет постоянной и «безпорочной» службы на горных заводах давали право горному чиновнику на отставку и пенсию, равную его полному жалованью. Половину своего прежнего оклада чиновник получал в жалованье после 20 лет службы. Двадцатилетняя служба давала право на отставку и нижним горным чинам казенных заводов. В первой трети XIX в. эти чины имели обычно заводские надзиратели, штейгеры, уставщики и старшие мастера. В 1847 г. закон отнес к верхнему слою рабочей иерархии также квалифицированных цеховых мастеров. Правда, после 20 лет заводской службы нижние горные чины могли получить в пенсию лишь четверть своего прежнего оклада, а полное жалованье — только после 40 лет службы. Рядовые рабочие права на полное жалованье в пенсию не имели. Верхней границей их пенсии было три четверти прежнего заработка после 40 лет работы. Отставку рабочие получали также несколько позднее заводского «начальства» — в начале XIX в. через 25 лет, а с 1847 г. через 35 лет обязательной горной службы [5].

Реально и в достаточно полном объеме пенсионное законодательство исполнялось, как свидетельствуют данные исследователей, лишь в отношении горных чиновников [6]. Число рядовых мастеровых и рабочих людей казенных горных заводов, получавших пенсию, было, очевидно, ничтожно малым. Основной причиной этого был недостаток пенсионных сумм, отпускаемых государственным казначейством горному ведомству. На протяжении первой трети XIX в. эти суммы оставались практически неизменными и составляли в 1806 г. 60 тыс. руб., а в 1832 г. — 61,5 тыс. руб. [7]. В этих условиях руководители горных округов вынуждены были искать многочисленные поводы для отказа мастеровым в их прошениях об отставке и пенсии. Главным поводом здесь были сведения о наказаниях и «оштрафованиях» мастеровых, отраженные в их формулярных

списках. Отрицательный ответ в прошениях на отставку получали также, как правило, и рабочие, уходившие в длительные отпуска или «на собственное пропитание» в течение трудового стажа. В результате большая часть мастеровых лишалась законодательно предоставленного им права на отставку и пенсию. По подсчетам Г.А.Кулагиной, из 428 рабочих ведомства Екатеринбургской конторы, просивших об отставке в 1859 г., получили ее только 48 чел. (11,2% просивших) [8]. Нужно учесть еще и то, что далеко не все из числа мастеровых, вышедших в отставку, получали пенсию. В 1822 г., например, судя по подсчетам Н.Г.Павловского, на Богословских заводах из 185 отставных рабочих пенсию получили только 9 (4,9%) [9].

Горное законодательство предоставило право на пенсионную поддержку не только отставным мастеровым казенных заводов. Заводской пенсией обеспечивались и семьи рабочих и служащих, оставшиеся без кормильца. Наиболее льготные права здесь также получали вдовы и дети горных чиновников. После смерти мужа, состоявшего еще на горной службе, его вдова получала одновременно годовое жалованье чиновника, а затем пожизненно пенсию, равную двум третям его прежнего оклада. Оставшуюся треть пенсии получали девочки-сироты до 20-летнего возраста. Мальчики, сыновья горных чиновников, пенсию получали до 10 лет, а затем отправлялись в Петербургский горный кадетский корпус, где обучались за казенный счет. Вдова чиновника-пенсионера тоже не оставалась без поддержки, ей предназначалась пожизненная пенсия, равная половине прежней пенсии умершего мужа. Этих денег, конечно же, было достаточно для вполне обеспеченной старости.

Вдовы служателей, умерших в ранге нижних горных чинов, обеспечивались пенсией на тех же основаниях, правда, закон ограничивал ее верхнюю границу 75 руб., а нижнюю 24 руб. в год. Для вдов рядовых мастеровых и рабочих людей границы пенсии устанавливались в 6-24 руб. в год. Дети нижних горных чинов, мастеровых и рабочих людей получали пенсию после смерти отца до 15 лет. При этом ее границы ежегодно для девочек устанавливались в 6-12 руб. Мальчики до 12 лет получали по 30 коп. ежемесячно плюс бесплатный провиант, а после поступления в школу — 75 коп. в месяц [10].

Семьи умерших мастеровых были, очевидно, самой нуждающейся частью горнозаводского населения, поэтому горное ведомство стремилось особо поддерживать эту группу. В Богословском округе, например, судя по подсчетам Н.Г.Павловского, доля людей, получавших пенсию среди этой группы, в 1822 г. была значительно большей, чем среди отставных мастеровых и рабочих людей. Из 1006 вдов и сирот, представленных к пенсии, в это время ее получили 365 чел. (36,3%), среди рабочих, как уже указывалось, лишь 4,9% отставных.

Казенная пенсия, ложившаяся дополнительным бременем на цену заводского металла и потому строго фиксированная, была не единственным способом социальной поддержки малолетних слоев горнозаводского населения. Проект горного положения 1806 г. возложил на горное ведомство обязанность учредить в каждом заводе богадельню, где могли бы найти приют «все престарелые, увечные и не могущие исправлять обыкновенных работ» [11]. Содержаться эти богадельни должны были за счет особого «богадельного капитала», в пользу

которого поступали штрафные деньги «за разные упущения с высших и нижних чиновников, нижних и рабочих чинов», а также процентные сборы с награждений, пенсий, доходов частных предприятий на казенных землях и т.д. Из награждений, которые выдавались горному начальнику и офицерам за счет остающихся штатных сумм, в пользу богадельной суммы вычиталось, согласно горному уставу, по 2,5 коп. с рубля. Нижние и рабочие чины делались с богадельней еще большим процентом своих премий — им полагалось сдавать в богаделенную сумму по 5 коп. с рубля. По 2,5 коп. с рубля сдавали пенсионеры. Сюда же поступал двухпроцентный сбор с денег, отпускавшихся на покупку продовольствия для заводского населения на ярмарках. Пенсионеры, поступавшие на казенное содержание в богадельню, должны были сдавать в богаделенную всю свою пенсию. Если же кто-то из призреваемых в богадельне людей мог работать, то после продажи изготовленных им изделий он получал лишь половину вырученной суммы, остальные деньги шли на содержание учреждения [12].

Деньги эти, как свидетельствуют источники, действительно пополняли особый богаделенный капитал. При этом главным источником его пополнения, как свидетельствуют рапорты Златоустовской заводской конторы, были процентные сборы с наград и пенсий, а также с денег и припасов, выданных разным лицам в счет жалованья. По этим статьям в счет богаделенной суммы Златоустовских заводов в 1835—1842 гг. было собрано около 3966 руб. Остальные 3807 руб. были собраны в это время в богаделенную сумму за счет получения штрафов и многочисленных пошлин: перемол зернового хлеба на казенной мельнице, распиловку леса на лесопиленной мельнице, содержание лавок и «ренсковых» погребов и даже за право крашения крестьянских изделий [13].

Размеры богаделенных сумм, собиравшихся в разных горных округах, весьма отличались друг от друга и зависели, вероятно, от обширности хозяйства и умения управляться с ним заводского начальника. Судя по штатам 1827—1829гг., отраженным в Полном собрании законов, ежегодные доходы богаделенной суммы в Екатеринбургском округе составляли около 4500 руб., в Златоустовском — 3893 руб. 12 коп., в Богословском — 1500 руб. [14]. В 1853—1855 гг., как свидетельствует отчет главной конторы Златоустовских заводов, ежегодные доходы богаделенной суммы в этом округе выросли до 4953 руб. [15]. Богаделенная сумма, как и капиталы приказов общественного призрения, не лежала в наличных деньгах — часть из нее шла на содержание заводской богадельни, а часть в долг сохраненной казне Московского опекунского совета и в ссуду служащим заводам для приращения процентами.

Богадельни, однако, как учреждения закрытого призрения очень долго не приживались на горных заводах Урала. В 1822 г. в общем присутствии Пермского горного правления и горных начальников было составлено положение об устройстве богаделен. Согласно этому положению было признано необходимым содержать за счет богаделенной суммы на казенных горных заводах Урала 1260 чел., из них на Екатеринбургских заводах — 450, на Гороблагодатских — 300, на Богословских — 250, на Пермских — 135, на Камско-Воткинских — 135 чел. [16]. Однако желающих поселиться в них среди заводского на-

селения оказалось очень мало. Штаты 1827—1829 гг. по казенным горным заводам Урала зафиксировали существование лишь одной заводской богадельни — на Богословских заводах [17]. Здесь содержалось в это время 10 «богадельщиков» мужского и 10 жененского пола, а также дети до годовалого возраста. На содержание богадельни отпускалось, согласно штатам, 2300 руб. ежегодно, что составляло достаточно большую сумму — около 115 руб. на чел. В эту сумму входило жалование смотрителя и служащих богадельни, расходы на питание, одежду, отопление и освещение учреждения.

Согласно положению, на каждого призываемого в Богословской богадельне полагалось муки ржаной по 1 пуд. 32,5 фунтов в месяц, крупы ячной по 7,5 фунтов в месяц, мяса по 0,5 фунтов в день, масла коровьего и постного по 6 золотников в день. Кроме этого, при богадельне существовал собственный огород, с которого получали к столу овощи. Огород возделывали сами обитатели богадельни, а также поочередно отставные мастеровые, вдовы и сироты, получающие содержание от казны. В воскресные и праздничные дни в пользу богадельни собирались пожертвования в особые кружки, которые вносили в церковь. На пожертвованные деньги для обитателей покупался белый хлеб и рыба. Казенный стол, таким образом, в достаточной степени предоставлял питание самой малообеспеченной и нуждающейся в социальной помощи группе населения. Богадельная сумма покрывала и расходы на одежду этих людей. В год на одного «богадельщика»-мужчину полагалось купить 3 холщевых рубахи, 3 портов, 3 пары холщевых и 2 пары шерстяных чулок, 2 холщевых платка, 1 зипун из крестьянского сукна, подбитый под пояс холстом, 1 летний армяк с опояской, 1 шапку, 1 шляпу, 1 пару рукавиц с варегами и 2 пары башмаков. Тулупов бараньих, покрытых крашениной, правда, полагалось в год покупать по 5 штук на 10 человек, но, очевидно, эту вещь можно было носить и не один год, а следовательно, половина «богадельщиков» вполне могла пережить зиму и в старом тулупе.

Тем не менее, заводские жители, значительную часть которых составляли старообрядцы, долго отказывались от казенного призрения. Горный начальник Златоустовских заводов докладывал, например, в 1828 г. главному начальнику в Екатеринбург о том, что в подведомственных ему заводах в богадельни пожелало вступить всего 8 чел. «и то единственно за неимением совершенно родственников и сил к снисканию пропитания» [18]. К 1847 г. Уральское горное правление, постоянно настаивавшее на выполнении горного законодательства, добилося от руководителей горных округов учреждения в каждом из них заводской богадельни. Согласно «Штатам и основным рабочим положениям горных казенных заводов хребта Уральского» 1847 г., численность обитателей заводских богаделен в это время (мужчин и женщин) должна была составлять 230 чел., в том числе в Екатеринбурге — 50, в Златоусте — 40, в Кушве — 50, в Перми — 20, в Воткинских заводах — 30 и в Богословских заводах — 40. Содержание «богадельщиков» в домах призрения, однако, в это время было значительно урезано и составляло, согласно штатам 1847 г., 28—29 руб. на человека в год.

Размеры заводских пенсий большей части отставных мастеровых намного отставали даже от этого урезанного для «богадельщиков» казенного содержания.

По данным Г.А.Кулагинной, которая провела анализ пенсионных ведомостей отставных мастеровых ведомства Екатеринбургского горного округа, за основу при начислении пенсий бралась помесечная заработная плата последних двух лет перед выходом на пенсию. При этом мастера и мастера-урядники 1-й и 2-й статей с оплатой 120, 72 и 54 руб. в год при выходе на пенсию, как правило, продолжали получать ту же сумму. Пенсия мастеровых и урочнорабочих составляла от 25 до 60% их жалованья, то есть от 2 руб. 14 коп. до 7 руб. 50 коп. в год. Совершенно ясно, что подобная пенсия не обеспечивала даже прожиточного минимума для отставных мастеровых. В урожайный год на нее можно было купить от 8 до 10 пуд. муки, в неурожайный — от 2 до 6 пуд. [19].

Проект горного положения 1806 г. лишал мастеровых после увольнения от службы всех прав на выплаты со стороны казны, помимо выплат пенсионных. Пенсионеры и отставные мастеровые не получали и бесплатного провианта, что было гарантировано для рабочих указом от 14 мая 1799 г. Это обрекало семьи отставных мастеровых на полуголодное существование, что, естественно, вызывало недовольство. Весной 1822 г. уральские заводы посетила комиссия, «отряженная по высочайшему повелению». Чиновники слышали многочисленные жалобы мастеровых на «скудность пенсионна». Результатом работы этой комиссии стало принятие комитетом министров положения от 30 июня 1826 г., разрешившего бесплатную выдачу провианта всем отставным мастеровым, вдовам и сиротам, даже в том случае, если они получают казенную пенсию. Оговоривалось, что это временная мера, действующая до принятия новых штатов.

Штаты 1827—1829 гг. для казенных заводов, опубликованные в Полном собрании законов, позволяют уточнить численность мастеровых, воспользовавшихся этим новым положением. Число «богадельщиков» и их доля в общем составе населения, подведомственного заводам, в разных округах значительно отличались: на Екатеринбургских заводах «богаделенным содержанием» пользовались 700 чел. (1,9%), на Богословских — 775 (6%), на Гороблагодатских — 2400 (8,9%), на Пермских заводах — 136 (1,1%), на Камско-Воткинских заводах — 590 (2,1%), на Златоустовских заводах — 2544 (8,7%) [20]. Наиболее близки к численности всех мастеровых, нуждающихся в социальном пособии, цифры по Гороблагодатским и Златоустовским заводам. Об этом свидетельствуют данные, отраженные в предписании главного начальника горных заводов Урала горному начальнику Златоустовских заводов от 14 июля 1828 г. «Комитет об устройстве горных заводов заметил, — значилось в этом предписании, — что (по неимению богаделен) в Златоустовских заводах выдается ныне провиант на всех без изъятия мастеровых, уволенных от работ» [21].

При подготовке штатов комитет предложил значительно сократить бесплатную выдачу провианта отставным мастеровым и другим группам малообеспеченного горнозаводского населения. Во вновь опубликованных штатах было указано, что «цель упомянутых положений была дать способ к пропитанию токмо неимущим и лишенным всех средств к прокормлению, а как в числе пользующихся сим содержанием заключаются отставные мастеровые и вдовы, имеющие довольно способов к их содержанию или через самих себя, или детей их, то г. Министр финансов предписал сделать по всем заводским округам

строгий разбор сему классу людей» [22]. Штаты 1827—1829 гг. сократили численность людей, имеющих право на бесплатную выдачу провианта за счет богаделенных сумм, примерно вдвое. Богаделенные суммы составлялись из особого богаделенного капитала и дополнительных ассигнований из заводского бюджета, что вновь поднимало цену казенного железа. Выдачу провианта всем, кто может обойтись без казенного пособия, предписано было прекратить. При этом решение о прекращении выдачи провианта тем или иным людям должен был принять сам горный начальник.

Горные начальники как непосредственные руководители казенной промышленности, конечно же, более всех были заинтересованы в сохранении социальной стабильности на подведомственных им заводах. В пределах отведенных им штатных сумм они старались поддержать как можно большее число социально необеспеченных людей. Горный начальник Златоустовских заводов для этого еще в 1818 г. ввел на своих заводах вместо двухпудовой однопудовую выдачу провианта в месяц, в результате на его заводах были обеспечены провиантом все нуждающиеся [23]. Отмена обязательной выдачи провианта вызвала «ропот» среди горнозаводского населения. «Распоряжение сие, — писал в секретном донесении главному начальнику горный начальник Златоустовских заводов в 1829 г., — имеет теперь следствием беспрепятственные ко мне просьбы от тех из мастеровых обоего пола, коим выдача богаделенного провианта прекращена и особенно от бывших кричными мастерами и носивших подобные звания... Люди сии, почитая выдававшийся им доселе провиант не столько в виде пособия, сколько в виде награды за прежнюю их службу, просят не лишать их впредь до положения пенсионов» [24].

Предложения о защите прав квалифицированной части заводского населения вообще довольно часто встречаются в делопроизводительной переписке горных начальников с верхними эшелонами власти горного ведомства. В октябре 1849 г., например, Уральское горное правление постановило определять мастеровым пенсии исходя из новых штатов 1847 г. При этом если жалованье мастерового по новым штатам оказывалось ниже его прежнего оклада, то и пенсия тоже должна была рассчитываться из более низкого оклада. «Между тем заводские люди, — написал в рапорте от 28 ноября 1852 г. горный начальник Златоустовского округа, — звания мастеров и урядников достигают отличную свою службу и знанием дела, поступая на высшие оклады жалованья по их заслугам, и если они имеют право на заслуженную пенсию, то лишать их последнеполучаемых окладов... было бы обидно для сих людей и несоответственно правам, последнею службою приобретенным». Столь же несправедливо горный начальник считал и оценку труда рабочих полировочного цеха оружейной фабрики. «По статье 847 назначено, — продолжил он рапорт, — мастерам и подмастерьям так называемого кричного цеха при железных заводах 20 лет безсменной службы в сем звании зачислять за 25 лет. Такое сокращение срока установлено для сих людей в вознаграждение тягостной работы, изнуряющей их силы прежде времени. По цеху полировочному Златоустовской оружейной фабрики работа хотя и не требует такой силы, как по цеху кричному, но губительно действует на здоровье рабочих, ибо тонкая пыль от точил, распростра-

нение которой по фабрике, несмотря на все принимаемые меры, невозможно совершенно отвортить, садясь на легкие, доводит рабочих мало помалу до чахотки, от которой большая часть их умирает» [25].

Новые штаты 1847 г. значительно сократили сумму богаделенного провианта и казенных выдач: в горных округах, помимо призреваемых в заводских богадельнях людей, штатами положено было выдавать содержание и провиант лишь сиротам, то есть «детям нижних и рабочих чинов умерших, бежавших и поступивших в военную службу». Численность сирот, нуждавшихся в социальной поддержке, составляла, по мнению составителей штатов, на Екатеринбургских, Златоустовских и Гороблагодатских заводах по 600 чел., на Богословских, Пермских и Камско-Воткинских заводах по 400 чел. (всего 3000 чел.).

Тем не менее, выдача бесплатного провианта отставным мастеровым, вдовам и инвалидам на казенных заводах, очевидно, не прекратилась. Положение комитета министров от 30 июня 1826 г. сохранилось в законодательстве и было повторено во всех изданиях горного устава в первой половине XIX в. В делопроизводительной переписке Златоустовских заводов сохранились сведения о соотношении групп отставных мастеровых, получавших и не получавших пособие от горного ведомства. Судя по ведомостям, составленным главной конторой Златоустовских заводов для отчета штабу корпуса горных инженеров в 1859 г., на Златоустовском заводе числилось в это время отставных мастеровых, получавших содержание, 531 чел., не получавших содержание — 106 чел. На остальных заводах этого округа соотношение отставных, получавших и не получавших содержание, было примерно таким же: на Златоустовской оружейной фабрике — 375 и 22, на Саткинском заводе — 306 и 69, на Миасском заводе и золотых промыслах — 607 и 121, на Артинском заводе — 181 и 65, на Кусинском — 203 и 59, то есть большая часть отставных в это время имела пособие от горного ведомства. Помимо этого, на казенном содержании в окружной богадельне состояло 38 чел., а «богаделенное содержание» получали на Златоустовском заводе 418 мужчин и 603 женщин (очевидно, находились на нем вдовы, сироты и инвалиды). По остальным заводам соотношение мужчин и женщин, получавших богаделенное содержание в это время, было таково: Златоустовская оружейная фабрика — 86 и 48, Саткинский завод — 230 и 386, Кусинский завод — 165 и 281, Артинский — 121 и 178, Миасский и золотые промыслы — 416 и 547 [26]. Общая численность заводских мастеровых, получавших социальную поддержку в это время на Златоустовских заводах, составляла 5720 чел. (13,4% всего зависимого населения) [27].

Приведенные цифры не включают данные о социальном обеспечении иностранных мастеров, служивших на Златоустовской оружейной фабрике по контрактам. Оружейники составляли в заводском поселке особое «общество», независимое от горного ведомства, следовательно, не включенное в сферу населения, нуждающегося в ведомственной опеке. Для поддержки малообеспеченных и лишенных кормильца семей иностранные оружейники вынуждены были создать собственную вдовью и сиротскую кассу. Капитал кассы собирался из взносов и добровольных пожертвований ее членов. Правила участия в этой кассе были достаточно жесткими. В фонде Златоустовской оружейной фабрики

сохранилось дело об исключении из вдовьей и сиротской кассы иностранного мастера Оберкотте. Как следует из этого дела, Оберкотте платил в кассу ежегодные взносы начиная с 1824 г. В 1845 г. он был исключен старшинами кассы из членов этого клуба за то, что не внес туда ежегодный вклад. Предыдущие взносы Оберкотте при этом не получил. Немецкий суд, куда обратился иностранный мастер, признал это решение справедливым, добавив, однако, что мастер будет восстановлен в клубе, если внесет туда недостающие деньги [28].

Трудно сказать, насколько эти данные отражают общее содержание системы социального обеспечения на казенных заводах Урала. В целом, однако, можно предположить, что несмотря на стремление министерства финансов ограничить бюджетное финансирование системы социального обеспечения на казенных заводах, наиболее нуждающиеся слои зависимого населения в это время получали социальную поддержку и помощь.

Оказывалась подобная благотворительная помощь горнозаводскому населению и на частных заводах Урала. Одна из статей проекта горного положения 1806 г. прямо предписывала владельцам частных заводов иметь попечение «о прокормлении бедных и немощных, престарелых и увечных людей» [29]. Патерналистская установка о попечении помещика над своими подданными была закреплена в российском законодательстве еще указом от 26 апреля 1734 г. Подчинялись этому закону и владельцы уральских заводов. Горный устав лишь повторил и конкретизировал это общепринятое положение.

Известно, что еще в середине XVIII в. на многих частных заводах была организована централизованная закупка хлеба для мастеровых и рабочих людей. Хлеб этот не только продавали по мере надобности рабочим, но и выдавали в качестве помощи «престарелым, увечным и немощным заводским жителям». Заводские хлебные запасы использовались для поддержки низкооплачиваемых работников в неурожайные годы [30]. Горный устав 1832 г. законодательно обязал владельцев частных горных заводов иметь постоянно «годовую или двухгодичную препорцию хлеба». Судя по данным заводских ведомостей 1818 г., из этих хлебных запасов выдавался бесплатный провиант престарелым, вдовам, сиротам и увечным в большинстве частных горнозаводских округов. Зачастую затраты на пенсионные нужды в частной промышленности намного превышали затраты казны. Например, в 1818 г. пенсионная сумма (деньгами и провиантом) в Верх-Исетском горном округе, принадлежавшем Яковлевым, составляла 25800 руб., что значительно выше подобных затрат в любом из казенных округов [31].

Попечение «о прокормлении бедных и немощных, престарелых и увечных людей» в частной промышленности контролировалось служащими горного ведомства. Заводские исправники, согласно закону, обязаны были доставлять сведения о нуждающихся в социальной поддержке группах населения управляющему заводом и следить за тем, чтобы им была оказана необходимая помощь [32]. Собирались сведения о положении малообеспеченных слоев населения частных заводов и руководящими органами горной промышленности Урала. В апреле 1828 г., например, главный начальник горных заводов Богуславский, услышав жалобы от «людей бедного и беспомощного состояния» на частных

заводах, предписал заводским исправникам и земским судам составить списки этих людей, доставить их в заводские конторы и потребовать оказания этим людям положенной законом помощи. «При сем считаю необходимым предварить вас, — подчеркнул главный начальник, — что если впредь встречены будут мною подобные жалобы по заводам вашего ведения, то вы подвергнетесь строгой ответственности» [33].

Донесениями с грифом «секретно» заводские исправники информировали главного начальника о положении дел на подведомственных им заводах. В фонде Уральского горного правления часть этих рапортов сохранилась. Большинство из них сообщает о том, что «бедные и беспомощные обоего пола люди» получают от заводских контор частных округов необходимую помощь. На Рождественских заводах Зеленцовых, например, они «безбедно» снабжались провиантом. На Кажымском заводе Дементьева «престарелым и малолетним, оставшимся по сирочеству, равно и не имеющим возможности по каким-либо болезням пропитывать себя», выдавались хлеб, крупа и соль. На Чермозских заводах, как сообщал исправник земского суда, эта группа населения получала хлеб и денежное пособие, а потому «ходящих за прошением милостыни» здесь не было, за исключением солдаток и их детей, неподведомственных попечению вотчинного правления. Список солдаток, живущих мирским подаванием на Чермозском заводе и в близлежащих деревнях, составлял 126 чел. Оренбургский земский суд, под ведением которого находился Преображенский завод Гусятниковых, сообщал, что людей, лишенных всех способов пропитания, на данном заводе не имеется, «ибо для подобных людей от господ заводосодержателей определена экстраординарная сумма, из которой снабжаются они на поправку ветхих домов, покупку лошадей, коров и в нужном случае одежды, в пропитание же выдается им провиант из магазинов за счет заводской».

Заводской исправник Юдин отправил в канцелярию главного начальника «Списки заводским людям обоего пола престарелым, увечным и сиротам малолетним, не могущим заводскими работами и другими занятиями снискивать себе содержание, имеющим и не имеющим со стороны заводов пособия». В списках были учтены жители Омутнинского и Пудемского заводов Осокина, а также Залазинского, Щурминского и Буйского заводов Мосолова. Судя по этим спискам, на заводах Осокина пособие провиантом и деньгами получали в это время все сироты (9 чел.) и солдатки (4 чел.). Остальные группы нуждающегося населения обеспечивались провиантом лишь частично. Престарелые мастерские жили в основном за счет доходов своих трудоспособных детей, пособие получали лишь 4 из 18 семей престарелых (22,2%). Среди вдов и инвалидов доля лиц, получавших пособие, была значительно выше: 26 из 33 «вдовьих» семей (78,7%) и 2 из 3 семей с инвалидами (70%) обеспечивались на этих заводах бесплатным провиантом. Помимо этих групп нуждающегося населения, пособие от заводов получали многодетные семьи (10 семей), а также незаконнорожденный мальчик 11 лет, живший у родственника. Пособие составляло от 1 до 6 пуд. провианта в месяц плюс крупа и соль. Установить какую-то закономерность при распределении пособия невозможно. Очевидно, контора не имела никаких инструкций по этому поводу и все зависело от воли владель-

ца. Любопытно отметить, что бесплатный провиант мог служить не только пособием для наименее обеспеченных групп заводского населения, он использовался и как возмещение за производственную травму. Житель Омутнинского завода Иван Леонтьев Смирнов «по случаю повреждения руки в кричной работе», как указано в списке, служил сторожем при заводской конторе и получал неплохо по тем временам жалованье — 96 руб. в год. Помимо этого, семья его получала в пособие по 2 пуд. провианта в месяц.

В переписке о положении мастеровых на Омутнинском и Пудемском заводах сохранилась просьба, отправленная в 1829 г. арендатором этих заводов Веймарном в Уральское горное правление. Веймарн просил разрешить ему не учреждать в заводских поселках богадельни, объясняя эту просьбу не только отсутствием на его заводах нищих и обездоленных, но и неприятием идеи закрытого призраения местным, по крайней мере старообрядческим населением. Все нуждающиеся в помощи жители заводских поселков получали бесплатный провиант от конторы или жили в семьях с достаточным обеспечением. Если же «вместо сей меры обеспечения требовать непременно их помещения в богадельне, — писал заводчик, — то они без сомнения не согласятся, лучше вовсе отказаться от пособия заводов, нежели быть в необходимости оставить настоящее пребывание в кругу семейств и родных своих и жить в сообществе людей не их веры». Горное правление согласилось с этими доводами.

На Залазинских заводах Мосолова соотношение семей, получавших и не получавших пособие от завода, было несколько иным, чем на заводах Осокина. Среди престарелых мастеровых здесь получали пособие деньгами и провиантом 23 семьи из 54 (42,5%). Бесплатный провиант имели все сироты (25 чел.), солдатки (6 чел.) и большая часть вдов (72 из 81 семьи) и инвалидов (7 из 8 семей). Как и на осокинских заводах, контора Залазинских заводов обеспечивала бесплатным провиантом некоторые многодетные семьи (12 семей) [34].

Система благотворительности охватывала, таким образом, весьма значительную часть жителей горнозаводского Урала. Во многом это было результатом сознательной политики горного ведомства, законодательно поставленного перед необходимостью оказания социальной помощи нуждающимся группам подведомственного ему населения. Социальные меры (пенсии, безвозмездные ссуды, обеспечение провиантом, элементы медицинского и социального обслуживания) во многом способствовали поддержанию социальной стабильности в регионе даже в период кризиса феодально-крепостнических отношений и подготовки модернизационных реформ 60-х гг. XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов в 50-х гг. XIX века // Вопросы истории Урала. Вып.39. Ч.1. Свердловск, 1961. С. 93—108; Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных заводов Урала в первой половине XIX века // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991. С. 127—150.
2. Свод законов Российской империи (СЗ). Изд. 1832 г. Т.14. Уставы благочиния. Ст. 234.
3. СЗ. Изд. 1832 г. Т. 14. Ст. 238, 239, 240, 387, 391.
4. ГАСО. Ф.24. Оп. 32. Д. 3345. Л. 5 об.
5. Проект горного положения для управления заводов хребта Уральского. Б.м., 1806. Ст. 584—598; Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов хребта Уральского. /Б.м./, 1847.
6. Дашкевич Л.А. Материально-бытовое положение технических кадров горных заводов Урала в первой половине XIX века // Социально-экономическое положение кадров горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1989. С. 3—17.
7. Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей ... С. 135.
8. Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов ... С. 104.
9. Павловский Н.Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей ... С. 137.
10. Проект горного положения ... Ст. 599—620.
11. Там же. Ст. 651.
12. СЗ. Изд. 1857 г. Ст. 996.
13. Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области (ЗФ ГАЧО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1066. Л. 42—44.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. 2. 1827 г. Ст. 1022; Т.3. 1828 г. Ст. 1776; Т. 4. 1829 г. Ст. 2888, 2890.
15. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1513. Л. 19.
16. Там же. Д. 559. Л. 2.
17. ПСЗ-II. Т. 4. 1829 г. Ст. 2890.
18. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 36 об.
19. Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов ... С. 106.
20. При подсчетах число душ м.п. при казенных заводах по 8-й ревизии (1834 г.) увеличивалось вдвое. Сведения о численности населения казенных заводов (в душах м.п.) см.: Неклюдов Е.Г. К вопросу о численности и составе рабочих казенной горнозаводской промышленности Урала в 30-40-е гг. XIX в. // Рабочие горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1987. С. 38—39.
21. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 1.
22. ПСЗ-II. Т. 4. 1829 г. Ст. 2890.
23. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 20—20 об.
24. Там же. Л. 49.
25. Там же. Д.1715. Л.9—10.
26. Там же. Д.2102. Л.14—52.
27. При подсчете число душ м.п. по 10-й ревизии при Златоустовских заводах увеличивалось вдвое. Сведения о численности населения Златоустовских заводов см.: Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986. С. 122.
28. ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1314. Л. 1—9.
29. Проект горного положения ... Ст. 804.

30. Редин Д.А. Власть, заводоладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере частной уральской металлургии): Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 186.
31. Павловский Н.Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 128.
32. Проект горного положения ... Ст. 804.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 692. Л. 1 об.
34. Там же. Л. 4—58.

SOCIAL POLICIES OF THE MINING BOARD IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

The article examines forms of material maintenance and social aid to the least secured strata of the Urals' mining population during the period of serfdom. Analysis involves the legal regulations and basic social measures of the mining board, such as pensions, gratuitous loans, foodstuff provisions, elementary medical care and social services. The author argues that the system of social rehabilitation covered significant portions of the Urals' mining populace and contributed to maintaining the social stability within the region.

L.A. Dashkevitch